

В изъявление признательности

Письмо к г. З<ари>ну

Н. Г. Чернышевского. Литературная критика в двух томах

Т. 2. Статьи и рецензии 1856-1862 годов

М., "Художественная литература", 1981

Подготовка текста и примечания Г. Н. Антоновой, Ю. Н. Борисова, А. А. Демченко, А. А. Жук, В.

В. Прозорова

OCR Бычков М. Н.

Прочитав статью вашу в январской книжке "Библиотеки для чтения", хотел я, милостивый государь, просить у вас свидания, чтобы в частном разговоре раскрыть вам глаза на неловкость, сделанную вами в этой статье. Но скоро я передумал: вы отличились публично; стало быть, публично надобно и показать вам, как вы отличились.

Вы имеете на деятельность Добролюбова взгляд, различный от нашего; это еще не заставило бы меня входить с вами в прения: ваше мнение не так важно, чтобы кому-нибудь стоило обращать на него внимание. Но есть в вашей статье несколько строк, претендующих определить мое отношение к Добролюбову, с похвальными эпитетами мне. Вы хотите засвидетельствовать для истории литературы факт, который был бы очень почетен для меня; если я оставлю ваши слова без ответа, то должно показаться, что я без возражений принимаю их за правду. Такую роль я не могу взять на себя.

На страницах 38 и 39 вашей статьи вы говорите, что в литературном кругу, к которому принадлежал Добролюбов, был человек, более его замечательный по дарованиям; этого человека вы почитаете учителем Добролюбова; вы приписываете этому человеку энергию убеждений, гораздо большую той, какую находите в Добролюбове¹. На 34 стр. вы о том же человеке говорите: "мы совершенно искренно уважаем некоторых из друзей покойного -бова, в особенности одного, о лицемерном непризнании заслуг которого мы, кажется, первые сказали, что оно переступило меру". Очевидно, что вы тут упоминаете статью обо мне, помещенную в одной из осенних книжек вашего журнала за прошлый год². Очевидно, что под человеком, который был учителем Добролюбова, превосходил его талантом и энергиею, вы разумеете меня. Это принуждает меня разъяснить вам мои отношения к развитию образа мыслей Добролюбова, сказать, как представляется мне самому отношение моих сил к силам его и какая разница действительно существует, по степени энергии, между мною и им.

Учителем Добролюбова я не мог быть, во-первых, уже и потому, что не был его учителем никто из людей, писавших по-русски. Довольно много пользы принесли ему статьи Белинского и других людей того литературного круга³. Но не под их главным влиянием сложился его образ мыслей. Поступив в Педагогический институт летом 1853 года, он скоро привык читать книги по-французски, а с немецкими книгами начал знакомиться еще до поступления в институт. Если же даровитый человек в решительные для своего развития годы читает книги наших общих западных великих учителей⁴, то книги и статьи, писанные по-русски, могут ему нравиться, могут восхищать его (как и Добролюбов восхищался тогда некоторыми вещами, писанными по-русски)⁵, но ни в каком случае не могут уже они служить для него важнейшим источником тех знаний и понятий, которые почерпает он из чтения⁶. Что же касается влияния моих статей на Добролюбова, этого влияния не могло быть даже и в той, не очень значительной степени, какую могли иметь статьи Белинского. Я не имел тогда важного влияния в литературе. В доказательство сошлюсь на "Современник" 1855 и 1856 гг. Пересмотрев эти годы журнала, вы увидите незначительность и неопределенность тогдашней моей роли⁷. Когда же это успел я до появления Добролюбова в литературе приобрести такой заметный голос в ней, чтобы могли тогда быть у меня ученики? Ведь Добролюбов начал помещать статьи в "Современнике" с половины того же 1856 года⁸.

Для человека сообразительного было бы довольно фактов, отпечатанных курсивными и заглавными шрифтами в оглавлениях тогдашнего "Современника". Но для вас, милостивый государь, быть может, мало иметь факты, к которым самому надобно прилагать некоторое соображение; быть может, вам необходимы готовые, пережеванные заключения. Вы могли бы слышать их от каждого,